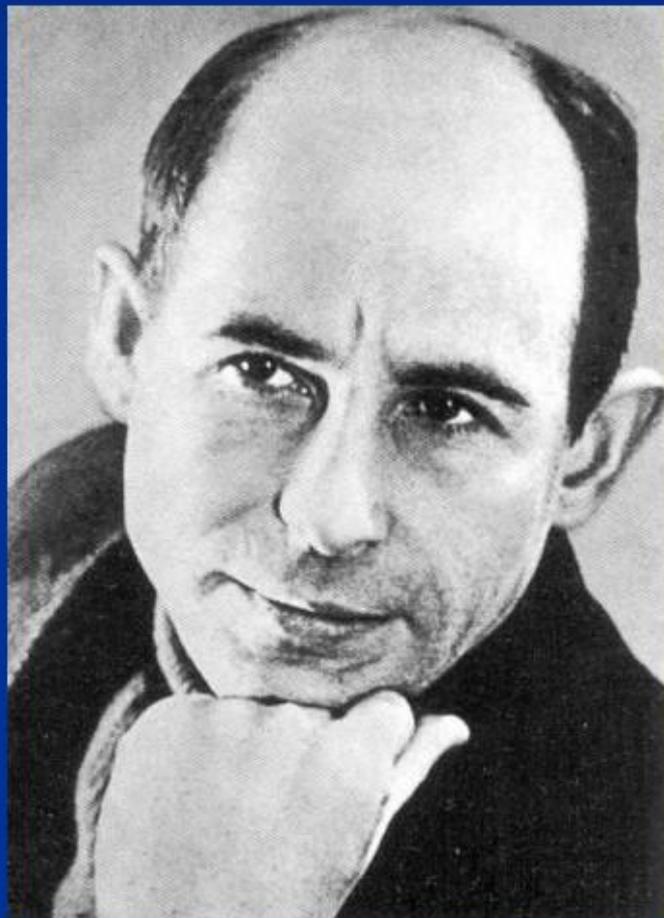
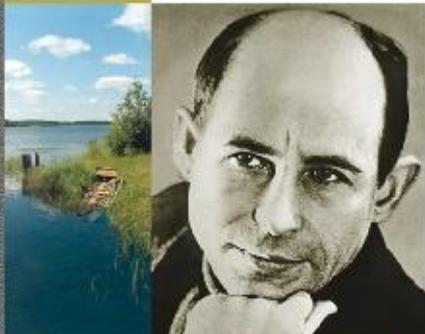

Рубцов Николай Михайлович

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Николай
Копляев

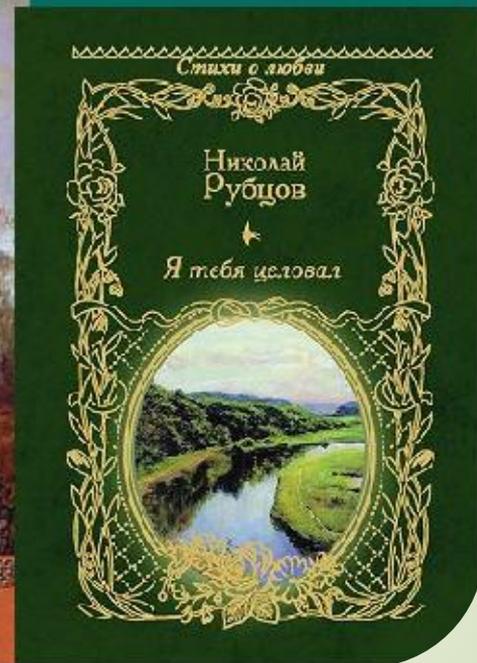
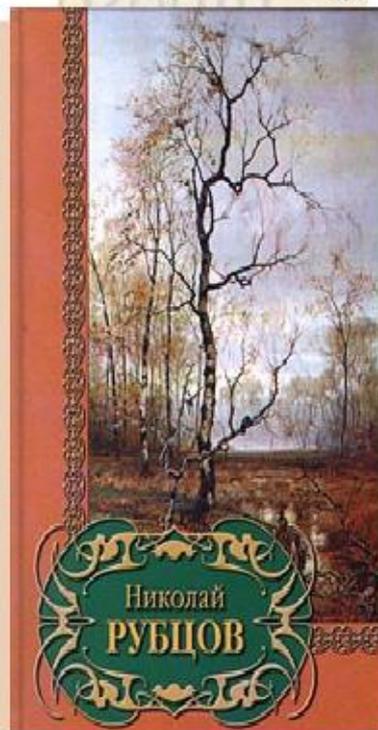
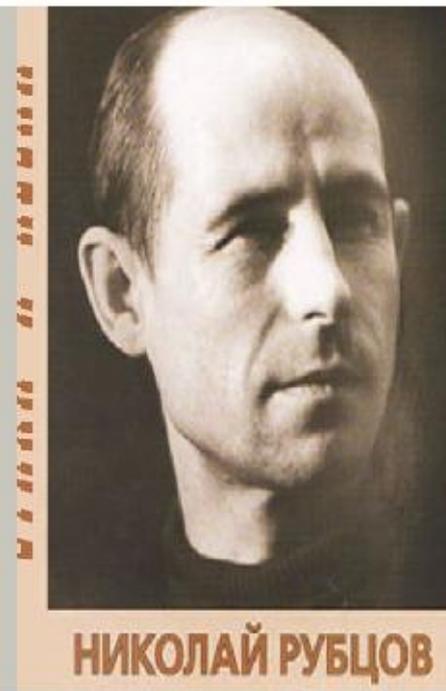
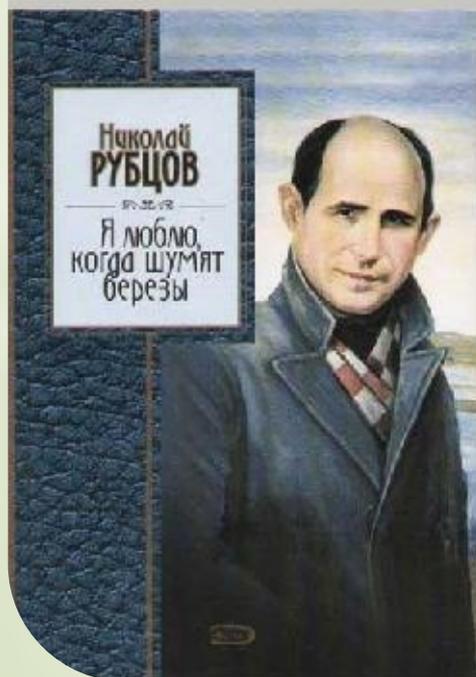
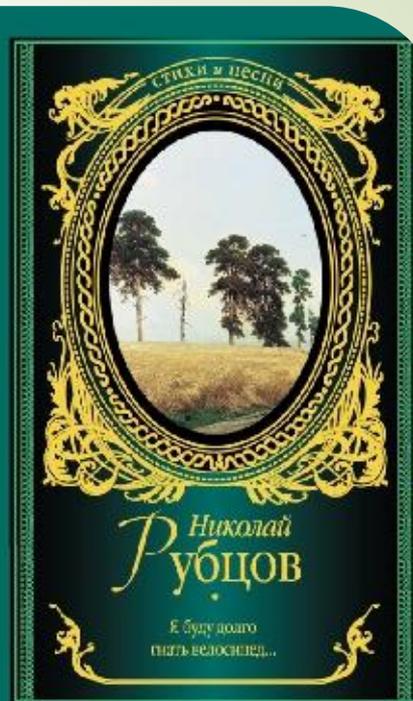
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Николай
Рубцов

Последняя
осень

ozon.ru

Тихая моя родина

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
-Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
-Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.
Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.
Новый забор перед школою,
Тот же зелёный простор.
Словно ворона весёлая,
Сяду опять на забор!
Школа моя деревянная!
Время придёт уезжать -
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей!

В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...
Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.
Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Николай Рубцов. «Берёзы».

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю — и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви...

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

"Я родился с сердцем Магеллана..."

Николай Михайлович Рубцов родился 3 января 1936 года в поселке Емецк Архангельской области и уже в раннем возрасте остался сиротой. Заполняя анкеты, в графе "Сведения о родителях" он коротко писал: "Таковых сведений почти не имею". Есть данные, что Николай был пятым ребенком в семье (с одним из братьев, живших в Ленинграде, Рубцов в шестидесятых годах переписывался). Мать поэта умерла в самом начале войны, отец был на фронте, а после войны жил с другой семьей. Очевидно, поэтому Рубцов, посвятивший матери немало проникновенных строк, упоминает отца коротко и сухо:

Мать умерла...

Отец ушел на фронт.

Соседка злая не дает проходу.

Я смутно помню утро похорон

И за окошком скудную природу.

Откуда только - как из-под земли! -

Взялись в жилье и сумерки, и сырость...

Рубцов вообще очень мало говорил в стихах о своей биографии, но и эти несколько строк из стихотворения "Детство" рисуют достаточно ясную картину сиротства совсем еще маленького ребенка, познавшего в полной мере те суровые стороны жизни, от которых его некому было оградить: похороны матери, неприязнь соседей, унылый пейзаж за окошком - потому и унылый, что и здесь, по эту сторону окошка, тоже сыро, сумрачно и неуютно... В такой вот атмосфере мальчик был некоторое время предоставлен самому себе, но "однажды все переменилось": в 1942 году его отправили в Красновский детский дом, а еще через год перевели в детдом на родину матери - в село Никольское Тотемского района Вологодской области, которое местные жители называют просто деревней Николой. Она и стала для Рубцова малой родиной, к которой он неизменно возвращался в своих стихотворениях.

Окончив семь классов, Рубцов едет в Ригу поступать в мореходную школу, но возвращается ни с чем: в школу его по малолетству не взяли. Неудачу поэт запомнил надолго: нет сомнений, что стихотворение "Фиалки" написано гораздо позже, но картина переживаний героя здесь создана достаточно достоверная: "в фуфаечке грязной" идя по набережной, он вдруг услышал популярную в то время песню "Купите фиалки", прозвучавшую почти издевательски, ибо ему было совсем не до цветов:

Кроме моря и неба,

Кроме мокрого мола,

Надо хлеба мне, хлеба!

Замолчи, радиола...

В этом стихотворении уже есть характерные для творческой манеры Рубцова черты: и скрывающаяся за легкой иронией истинная печаль, и серьезность пародийных по тону строк, когда голодный герой, обращаясь к кондукторше с просьбой провезти его без билета, говорит: "Я как маме за это поцелую вам ручку!". И при первой публикации этого стихотворения в сборнике "Подорожники", и в "Избранном", вышедшем в издательстве "Советская Россия" в 1977 году, была допущена неточность - "поцелую". В подлинном тексте Рубцова именно "поцалую" - так, как это слово звучало в старом русском произношении, как пели его, например, звезды русской эстрады Анастасия Вяльцева, Варя Панина или Изабелла Юрьева, чьи голоса сейчас можно услышать на отреставрированных пластинках. Поэту нужно было чуть-чуть спародировать жестокий романс, чтобы спрятать свою душевную боль: Рубцов был гордым человеком...

Детдом тем временем перевели из Никольского в райцентр - древний городок Тотьму, основанный на десять лет раньше Москвы. Возвращаться в детдом Рубцов не захотел и поступил в Тотемский лесотехнический техникум. Вряд ли учеба в нем увлекала его, он просто коротал время до получения паспорта. Окончив первый курс техникума и получив паспорт, Рубцов с бесшабашной решительностью уехал в Архангельск и поступил в мореходное училище. Однако и там проучился недолго... Пришлось ему стать пока избачом - так называлась должность работника избы-читальни, выполняющего обязанности и администратора, и библиотекаря, и истопника. Очевидно, в это время он и стал серьезно писать стихи. Во многих из них явно чувствовалось влияние Есенина, однако вскоре Рубцов научился, развивая порой заведомо чужой напев, не заглушать и свой собственный голос, даже в ранних стихах он слышен довольно отчетливо. В них есть то, что потом станет характерной особенностью творчества поэта - легкая, лучистая ирония, пародия на самого себя.

Рубцов несомненно задумывался о своем предназначении, стремился к творческому своеобразию, хотя и сказал об этом в присущей ему слегка иронической манере, перефразировав на сей раз пермонтовское: "Нет, я не Байрон, я другой":

Строптивый стих, как зверь страшный,

Горбатясь, бьется под рукой.

Мой стиль, увы, несовершенный...

Но я ж не Пушкин, я другой.

Для того, чтобы сделать новый шаг в творчестве, Рубцову нужны были свежие впечатления, и он пошел кочегаром на рыболовный траулер-угольщик Архангельского тралового флота и проплавал на нем около года. Когда судно приходило в порт, моряки шли в ресторан, а Рубцов - в тир. Это было любимым развлечением несовершеннолетнего кочегара, чья работа была нелегкой даже для человека отличного здоровья, а выросший на послевоенных детдомовских пайках парнишка отнюдь не был богатырем. **"Я весь в мазуте, весь в тавоте, зато работаю в тралфлоте!"** - не без иронии, но радостно восклицал он в одном из стихотворений "морского цикла", ставшего для него новым шагом в поэзии.

Главное, что приобрел Рубцов в морских скитаниях, - это не только поэтическая, но и душевная свобода, чувство уверенности в себе, значимости и значительности своего "я": **"Иду походкой гражданина... Дышу свободно и легко"**. После поисков выхода из "грустного до обиды" быта - это несомненно был шаг вперед.

«Меж городом и селом».

Демобилизовавшись осенью 1959 года, Рубцов приехал в Ленинград и вплоть до поступления в Литературный институт имени Горького работал на заводе. Три года был рабочим, но ни одного поэтического свидетельства об этом не оставил. Уже в начале творческого пути он понял - нельзя писать обо всем подряд, нельзя писать о том, что по-настоящему не волнует. "Ты тему моря взял и тему поля, а тему гор другой возьмет поэт", - писал он в более поздних стихах, но, очевидно, что к такой концепции он пришел задолго до того, как были написаны эти строки. Во всяком случае, до сих пор не известно ни одного стихотворения, в котором бы Николай Рубцов поднимал заводскую тему. Годы жизни поэта в Ленинграде интересны тем, что в это время он переходит от традиций ударного стиха к строгой классической форме. Мир большого города, да еще такого, как Ленинград, увлек поэта, и, хотя память его часто возвращалась к милым лесным уголкам детства, к нетронутой природе, он чувствовал свою причастность к рукотворной красоте города, что особенно ярко проявилось в стихотворении "Альты":

*Как часто, часто, словно птица,
Душа тоскует по лесам!
Но и не может с тем не слиться,
Что человек воздвигнул сам.
Холмы, покрытые асфальтом
И яркой россыпью огней,
Порой так шумно славят альты,
Как будто нету их родней!*

Неуклюжее "воздвигнул" выдает ученическую неопытность автора, но это стихотворение очень важно для понимания одной из ведущих особенностей зрелого творчества Рубцова - его неразрывной связи с музыкой. Так, в ритме городской жизни и характере ее воздействия на человека поэту слышатся пронзительные, проникающие в самую душу звуки альтов...

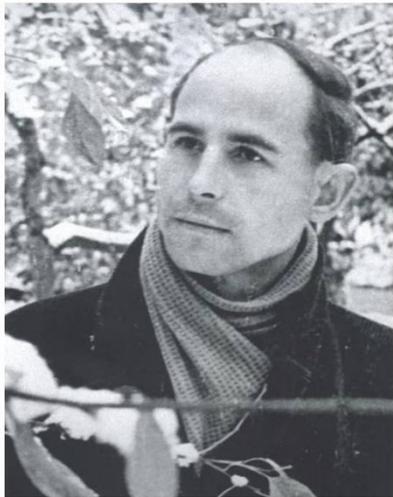
Руководитель Ленинградского литературного объединения "Нарвская застава" И. Михайлов вспоминал, что в Рубцове "привлекала внимание та глубоко затаенная сила, которая чувствовалась в его чтении, да и манера чтения - с характерным жестом как бы дирижирующей правой рукой". Поэт словно управлял слышной только ему мелодией, которая потом таким громким эхом отзовется в его стихах: **"Я слышу печальные звуки, которых не слышит никто", "И пенья нет, но ясно слышу я незримых певчих пенье хоровое", "Словно слышится пение хора, словно скачут на тройках гонцы, и в глуши задремавшего бора все звенят и звенят бубенцы"**.

Жизнь поэта в это время была очень насыщенной: он работал на заводе и учился в вечерней школе, посещал занятия литературного объединения, печатался в заводской многотиражке "Кировец", газете "Вечерний Ленинград" и некоторых других изданиях, постепенно входил в круг молодых ленинградских поэтов, выступал с чтением своих стихов. На поэтическом вечере, состоявшемся 24 января 1962 года в Ленинградском Доме писателей, к Рубцову пришел первый успех.

Кроме "морского цикла" у Рубцова тогда уже были написаны такие прочувствованные стихи, как **"В гостях", "Видения на холме", "Утро утраты"**. Можно сказать, что к 1962 году, когда он окончил школу и подал заявление в Литературный институт, поэт стоял на пороге творческой зрелости. Свои четко определившиеся литературные и нравственные позиции Рубцов изложил в предисловии к своему первому, рукописному, сборнику **"Волны и скалы"**, составленному из тридцати восьми стихотворений:

В ответ на частые упреки в том, что его поэзия наводит на грустные мысли, Рубцов с вызовом заявлял, что писал и будет писать "пессимистические стихи", то есть по существу отрицал бездумный, легковесный оптимизм, характерный для многих молодых поэтов той поры. И в этом Рубцов оставался последовательным до конца. У Рубцова же развитие темы шло в прямо противоположном направлении: от неуверенной попытки понять и принять город в ленинградских стихах, через краткий период "меж городом и селом" к полному, всеохватному чувству принадлежности к тем, кто воздавал красоте сельской природы "почти молитвенным обрядом".

Вернуться в деревню Рубцову пришлось гораздо раньше, чем он мог предполагать: в середине 1964 года он был отчислен из Литературного института; правда, через полгода восстановлен в числе студентов, но лишь на заочном отделении. Ни на стипендию, ни на общежитие рассчитывать не приходилось. И осенью 1964 года Рубцов возвращается туда, где прошло его детство.

Здесь, в Никольском, начался расцвет его творчества, здесь он окончательно решил для себя, что его звезда поэзии горит "для всех тревожных жителей земли", бросая свой приветливый луч и "поднявшимся вдаль" городам. "Но только здесь, во мгле заледенелой, она восходит ярче и полней", - читаем мы во второй и окончательной редакции стихотворения "Звезда полей".

"В деревне виднее природа и люди"

Любовь к родной деревне, ее природе и людям была одним из основных мотивов зрелого творчества Рубцова, хотя он не выпускал из виду всего многообразия современности:

В деревне виднее природа и люди.

Конечно, за всех говорить не берусь!

Виднее над полем при звездном салюте,

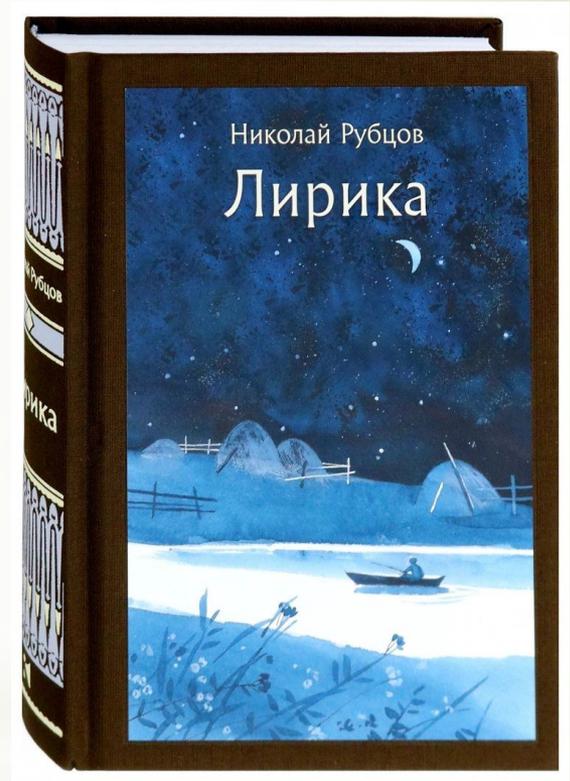
На чем подымалась великая Русь.

Рубцов обрел свою поэтическую родину, однако жизнь его в Никольском на первых порах была нелегкой.

Тем не менее, несмотря на трудности, эта осень была для него довольно плодотворной. Не имея возможности слушать лекции в Литинституте, Рубцов учился самостоятельно, читал русскую классику, особенно Толстого, пробовал свои силы в прозе и переводе, написал немало и собственных стихов. Дело осложнялось еще и тем, что печатали Рубцова не так часто, как ему хотелось, и это иногда наводило поэта на грустные мысли о бесполезности своего творчества, порождало чувство усталости и безразличия. Однако было бы неверно думать, что поэт равнодушно относился к написанному им - наоборот, он постоянно шлифовал свои стихи, стремился улучшить даже те, которые уже отдал в печать.

Где-то в это время Рубцов подготовил и сдал в Северо-Западное книжное издательство рукопись своего первого сборника.

"Лирика" Николая Рубцова была издана в 1965 году трехтысячным тиражом и сейчас уже стала библиографической редкостью. Открывалась книжка, стихотворением "Родная деревня" с четко названным адресом: "Люблю я деревню Николу, где кончил начальную школу". Это было началом развития темы "малой родины" в поэзии Рубцова. Несколько шире тема раскрывалась в стихотворении "Хозяйка": от "сиротского смысла семейных фотографий" - многие из запечатленных на них не вернулись с войны - Рубцов приходит к постижению мира прошедшего в мире настоящем. Как бы одновременно в сегодняшнем и вчерашнем времени живет хозяйка избы, куда автор заглянул на огонек. И хотя ключевые рубцовские строки, раскрывающие его видение мира, здесь уже найдены, стихотворение "Хозяйка" еще не превратилось в тот "Русский огонек", который потом станет одним из известнейших стихотворений.

Однако в "Лирике" было немало строк, еще не выражавших, а только предвосхищавших тонкую элегичность Рубцова.

Тогда еще трудно было говорить о продолжении Рубцовым традиций Тютчева и Фета. Однако не случайно стихотворение "Приезд Тютчева", опубликованное уже в первой книге Рубцова, без изменений вошло во многие последующие, хотя критика после публикации его в "Звезде полей" и отмечала, что вряд ли можно отнести к престарелому Тютчеву слова о том, что "дамы всей столицы о нем шептались по ночам" или "А он блистал... играя взглядом". То, что Тютчев не был случайным гостем в его стихах, Николай Рубцов доказал всем своим творчеством. Уже в первом сборнике его лирика удивляла своей чистотой и акварельной прозрачностью, в которой чувствовалось что-то знобяще-предосеннее:

***Летят журавли высоко
Под куполом светлых небес,
И лодка, шурия осокой,
Плывет по каналу в лес.
И холодно так, и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с легким свистом
Слетает осенний лист.***

В этих опубликованных в "Лирике" стихах уже ясно виден твердый почерк талантливого художника. Однако первый сборник стихов Н.Рубцова не обратил на себя внимания критиков.

Литературное признание и широкая известность пришли к Рубцову после того, как издательство "Советский писатель" выпустило в 1967 году книгу стихов "Звезда полей", которую поэт представил в Литинститут как свою дипломную работу, защищенную им 26 декабря 1968 года.

- Сегодня у нас не просто защита диплома. Сегодня у нас праздник, - сказал ректор института В.Ф.Пименов. - Мы проводим в большую литературу не новичка, а уже сложившегося поэта, причем поэта самобытного и талантливого.

"Звезда полей" ознаменовала начало периода зрелого творчества поэта.

В дальнейшем освоении Рубцовым темы родины у него уже появились особенности, которых в "Лирике" не было: он почти всегда пишет о жизни с терпкой грустью, он последователен в ощущении зыбкости и скоротечности мира, его таинственной красоты и внутренней непостижимости природы.

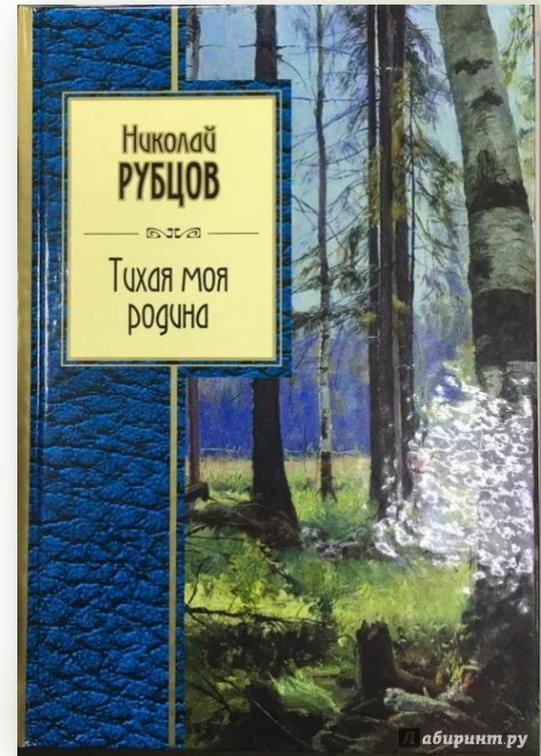
Без ощущения красоты природы, без любви к ней нельзя создавать прекрасное в искусстве. Высказывается Рубцов на эту тему достаточно определенно: "И разлюбив вот эту красоту, я не создам, наверное, другую". Он бродит "по родному захоластью в тощих северных лесах" и там находит красоту, без которой не мыслит жизни. Даже страшные сказочные персонажи - ведьмы, лешие, кикиморы, населяющие поэтический лес Рубцова, живут там не для того, чтобы пугать, а чтобы врачевать душу путника. Умение увидеть большое в малом придает лирике Рубцова глубину и емкость:

*Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь - и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные клики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц...*

Ощущение неразрывного единства с миром нашло свое законченное воплощение в стихотворении "Тихая моя родина". Оно поражает удивительной достоверностью. Доверительность интонации захватывает читателя и заставляет вместе с поэтом пройти по близким ему местам, проникнуться его чувствами. Казалось бы, что нового может он сказать об ивах над рекой, церквушке, соловьях на тихой своей родине? Но, читая эти строки, мы вновь и вновь испытываем радость открытия прекрасного, глубокое чувство эстетического наслаждения.

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

*Жизнь была бы неполноценной не только без тайны, но и без грусти - это очень важное для понимания сути творчества Рубцова суждение. Образ сельской родины у Рубцова, начиная со "Звезды полей", окрашен грустью, его душой все чаще **"овладевает светлая печаль, как лунный свет овладевает миром"**, и печаль эта возникает оттого, что поэт ощущает недолговечность, непрочность, зыбкость дорогого ему священного покоя. Он с болью чувствует, что и сам порою теряет с ним контакт. Поэт испытывает гнетущее чувство одиночества, о котором можно было догадаться еще тогда, когда он говорил спасибо **"русскому огоньку"** за то, что он горит для тех, кто **"от всех друзей отчаянно далек"**. И кратковременное веселье, когда изредка на несколько часов приезжают друзья, веселье **"с грустными глазами"** уже вряд ли что может изменить.*

"В предчувствии осеннем"

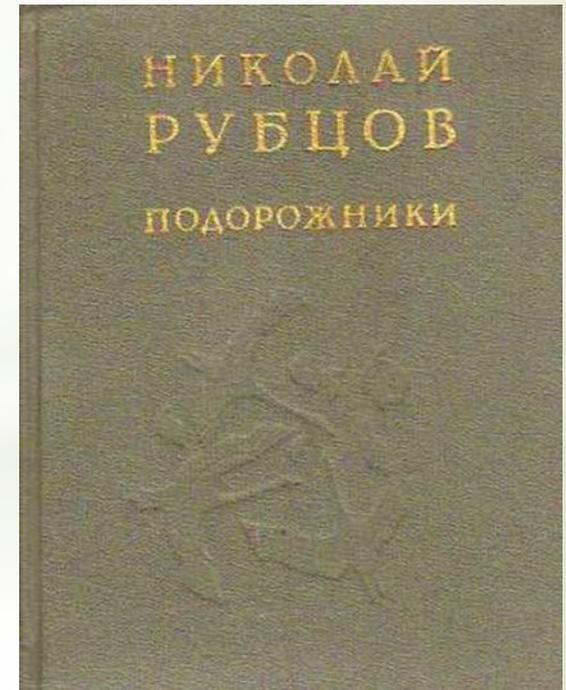
После "Звезды полей" Рубцов успел опубликовать еще два сборника - "Душа хранит" в 1969 году в Архангельске и "Сосен шум" в 1970 году в Москве - и несколько циклов стихов в журналах "Юность", "Молодая гвардия", "Наш современник", "Октябрь", "Север". В последних стихах Рубцова уже слышится не столько любовь к родине, сколько вызывающая, горькая насмешка и над патриархальным покоем, и над "добрыми Филями", о которых когда-то поэт писал с теплой, доброй иронией...

*Эх Русь, Россия!
Что звону мало?
Что загрустила?
Что задремала?
Давай пожелаем
Всем доброй ночи!
Давай погуляем!
Давай поохочем!
И праздник устроим,
И карты раскроем...
Эх! Козыри свежи,
А дураки все те же.*

В посмертном издании стихов поэта "Подорожники" впервые опубликованы стихи, в которых этот разлад с людьми приобретает поистине трагическую окраску. Теперь поэтом овладевает не прежняя "светлая печаль", а печаль "темная", "тревожная", а само слово "печаль" становится самым употребительным в лексике Рубцова. Такие стихи будят и сострадание, и чувство очищения души от всего мелкого, необязательного, чуждого...

*Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.
Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...*

Печальный смысл этих строк откроется еще глубже, если сопоставить их с другими, написанными чуть раньше: "Село стоит на правом берегу, а кладбище - на левом берегу...". Говоря о всевозможных благах на той стороне, поэт ощущает себя уже на этой, где кладбище. После таких стихов можно было ожидать самого страшного, и оно произошло: в крещенские морозы, в ночь с 18 на 19 января 1971 года Николай Рубцов погиб. Циклы последних стихов Рубцова во многих журналах, поэтические сборники "Зеленые цветы", "Последний пароход", "Избранная лирика"; наиболее полные издания - "Подорожники" в издательстве "Молодая гвардия" и однотомник из серии "Поэтическая Россия" издательства "Советская Россия" - вышли уже после смерти их автора. Но поэт жив, пока живы его стихи. А стихи Рубцова, судя по всему, встанут в ряд созданий долговечных, нетленных.

Н. БЕСЕДИН

Памяти Николая Рубцова

В тёплые крещенские морозы
Ёлочки выносят из квартир.
А приносят лилии и розы,
Чтоб они порадовали мир.
Уберут на вешалки обновы.
Сядут допивать и доедать.
И чудак какой-нибудь Рубцова
Станет модной девушке читать.
Пропоёт с гитарным перебором
Про ночную горницу в глуши,
А потом закусит помидором,
Выпив полстакана для души.
Не бренчи, не пой стихи поэта,
Головы блондинкам не морочь.
Посмотри, каким печальным светом
На Крещенье высветилась ночь.
Как склонились звёзды над полями,
Словно ищут что-то в полумгле.
Где он, тот, кто говорил стихами
И бродил по горестной земле?
Но никто теперь им не ответит.
О крестах устали говорить.
Огонёк в пустынном поле светит,
Чтобы нам всё помнить и любить.

